

КАНДИДАТЫ В ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Писатель, ученый, общественник

С малых лет Садридина Айни тянуло к учебе, но также положение семьи долго не позволяло осуществить замечательную мечту мальчика, тем более, что в детстве он лишился родителей. Стремление к учению было настолько велико, что двенадцатилетний Садридин решил сам поехать в Бухару и поступить в медресе. Ценой немеренных трудов и лишений белому крестьянскому мальчику-сироте удалось получить образование.

Пятидесяти лет Айни начал писать стихи, даже псевдонимом под первыми стихами — «Мухтаки» («Обреченный на нужду») и «Сабиль» («Изгнанный») говорят об блестящем положении молодого поэта.

В 1910 году Айни ознакомился с сочинениями крупнейшего писателя и прозаика XIX века —

Ахмада Дондуса, прозванного Ахмад Калла (Годошский). Ленин именовал его великим писателем.

Садридин Айни, откликнувшись на призывы Ахмада Каллы, начал писать для них учебники. Ознакомившись с русской наукой и литературой, Айни и его последователи беспомощно пысились порекомендовать народу азбуки Бухары, призываю народ перенять первую культуру русского народа.

Под влиянием этой прогрессивной идеологии формировались взгляды будущего писателя. Айни открыл в Бухаре школы, где сам занимался педагогической деятельностью, писал для них учебники. Ознакомившись с властями эти школы были закрыты.

С первых лет Великой Октябрьской социалистической революции Садридин Айни активно включается в советское строительство. Расцветает его творческая энергия; он пишет революционные стихи, песни и мюзиклы. Айни становится одним из новых пролетарских революционеров.

«Сорокадневным писателем я встретил Октябрь и в этом возрасте поступил в школу Октябрь», — вспоминает Айни. — Эта школа воспитала меня и, пройдя ее, я, словно заново родился».

«Марш свободы», написанном в начале 1918 года, Айни воспевает зори свободы, засиявшую над миром после победы социалистической революции:

35. испытавшие угнетение,
35. находящиеся в первом.
Настало время нашего освобождения.
Радостная весна, о, бедняки!
Над миром засияла заря счастья.

В стихах «Интернациональный марш», «Первый мая» и других, созданных в 1919 году, Айни приветствует рабочих и дающих разрушить до основания старый, феодально-капиталистический мир и строить новую, свободную жизнь.

В 1922 году Садридин Айни опубликовал очерк из истории бухарского империи. В том же году в журнале «Инициатива» («Революция») было напечатано первое крупное прозаическое произведение Айни «Бухарский налаж». написанное на узбекском языке. Уместно отметить, что Садридин Айни одинаково талантливо писал как на таджикском, так и на узбекском языках.

В 1926 году Айни издал повесть под названием «Одина». Это первая новесть в советской таджикской литературе, рассказывающая о тяжелой жизни народов Средней Азии до Октябрьской революции.

Подлинного расцвета творчество Айни достигло в годы первых пятилеток. Вдохновленный историческими изменениями,

происшедшими в жизни страны, достижениями родного народа, знатного создателем трудом под руководством Коммунистической партии, Айни пишет выдающиеся произведения: повесть «Ахмад — покоритель диков», потом роман «Дондук», очерк «Колхоз «Коммунисты», роман «Рай», повести «Старая школа», «Смерть романистки», очерки «Краса мира», «Исторический праздник» — о городах Таджикистана Ленинабаде и Намангане и т. д.

Одновременно Садридин Айни плодотворно работает как ученым-литератором; его очерки в великих магазинах таджикского и узбекского народов получили широкое распространение.

«Дондук» — первый в истории литературы роман, написанный на таджикском языке. В нем писатель говорит жизни народа Бухары в дореволюционное время, о бурхарской революции 1920 года, первые годы советской власти, о сурской классовой борьбе. В основе романа — острый жизненный конфликт между трудовым народом и эксплуататорами. Роман «Рай» охватывает более чем столетие — с 1825 по 1933 год. В нем правдиво изображены тяжелая, безрадостная жизнь народа во времена феодального произвола и счастье свободного человека социалистического общества.

«Дондук» — первый таджикский роман, написанный на языке, который писатель говорит жизни народа Бухары в дореволюционное время, о бурхарской революции 1920 года, первые годы советской власти, о сурской классовой борьбе. В основе романа — острый жизненный конфликт между трудовым народом и эксплуататорами. Роман «Рай» охватывает более чем столетие — с 1825 по 1933 год. В нем правдиво изображены тяжелая, безрадостная жизнь народа во времена феодального произвола и счастье свободного человека социалистического общества.

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней творческой. Но лишь ее можно было прочитать тщету, боязнь, что изумление не побудит всех чувств ее. Но чем шире зажигалась мелодия, тем ярче и чаще вспыхивали в глазах посохники светлые «искорки». Песни начинали жить в сердцах самых близких ей по творчеству людей, забывали о звуках и музыке. Бончери начинали петь «За партой».

Мария Ильинична вспоминалась, прошла, как звучит родовая минувшей ночной новогодней т

21 ФЕВРАЛЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ БОРЬБЫ ПРОТИВ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА

МАРТИН КАРТЕР
ПЕВЕЦ НАРОДА

В убогих хижинах на сахарных плантациях, в тюремных трущобах Британской Гвианы из уст в уста передаются строфы и стихи. В них воспеваются свободы и мир. В них гневно осуждаются колониальные империалистические хищники, стремящиеся поработить народы. Стихи эти принадлежат Мартину Картеру, талантливому поэту — автору — учителю Британской Гвианы.

В прошлом году на парламентских выборах в английской колонии, Британской Гвиане, победу одержала Народно-прогрессивная партия. Эта партия, являющаяся союзом всех прогрессивных элементов страны, воспевала всенародную борьбу за национальную независимость. Выражая требования народа, партия развернула кампанию за пересмотр введенной в 1953 году новой конституции. Она внесла в парламент законопроект об обязательном признании профсоюзов, выступила за национализацию принадлежащих иностранным капиталистам крупных сахарных плантаций. На спрашивались требования широких народных масс колониальных властей ответили репрессиями, выдавлину лживую версию о «коммунистическом заговоре».

В октябре прошлого года из Англии для извещения ворота срочно были направлены войска и флот.

Английский губернатор колонии Сөедж сместил законное правительство, всевозможное положение, запретил всякие собрания, приступил к действию и без того ограниченной конституции и пригрозил насилием жестокими репрессиями в случае малейшего сопротивления. Он приказал арестовать группу деятелей Народно-прогрессивной партии. Среди арестованных был и Мартин Картер. Недавно под давлением общественности власти были вынуждены освободить М. Картера и троих его товарищей. Однако свобода их передавлена была ограничена.

Мартин Уайд Картер молод. Он родился в 1927 году в семье служащего. Окончив колледж, он четыре года работал в качестве клерка. Затем был уволен за участие в борьбе народа Гвианы за свои права. Народ высоко оценил деятельность поэта-борца. Картер был избран председателем Комитета защиты мира Британской Гвианы.

Колониаторы всеми средствами пытаются заставить поэта замолчать. Но Мартин Картер не страшится их. Он бросает им в лицо:

Нет!
Я не буду молчать!
Я должен!

Слишком много требовать...
Творчество поэта посвящено борьбе за свободу, за мир. В одном из своих стихотворений он говорит:

Здесь, в нашем доме, спит мое дитя,
Разбудят пусть его свобода —

Не остре штыка!
Картер полон веры в победу миролюбивых народов:

Товарищ, мир гремит от песен о свободе
И человечество рождает каждый день
героев новых...

В Британской Гвиане стихи Картера официально запрещены. Когда недавно его же попытались напечатать их в типографии было напечатано полицейский налет. Но усилия колониаторов не достигают своей цели. Поэт пользуется огромной популярностью в своей стране. Его творчество известно и за пределами Гвианы.

Мартин Картер — поэт-борец за мир — принадлежит к числу тех «героев новых», которых «человечество рождает каждый день».

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ.

ЗА МИРИ СВОБОДУ!

В феврале 1948 года в Калькутте по инициативе Всемирной федерации демократической молодежи состоялась конференция молодежи стран Юго-Восточной Азии. Там и было решено «ежегодно отмечать 21 февраля как день единства молодежи всего мира с молодежью, борющейся против гнёта колонизаторов. Ныне эта дата отмечается всем прогрессивным человечеством как Международный день борьбы против колониального режима.

Несметные богатства Африки, олово и каучук Индонезии и Малайзии, нефть стран Ближнего и Среднего Востока деспотически служат источником важны для империалистов.

Они привнесли с собой в порабощенные ими страны беспощадную колониальную эксплуатацию народов. Как сообщает иностранная печать, средняя норма прибыли с капиталистического корпораций США за границей, составляет, по следним данным 1952 года: в маршировавших странах Европы 14,5 процента в латиноамериканских республиках 17,4 процента.

Баснословные барыши американских и других империалистов — это кровь и пот трудящихся колониальных и зависимых стран. Возьмите Бельгийское Конго — отчужденную колонию, территория которой почти в восемьдесят раз больше территории Бельгии. После второй мировой войны бельгийские колониаторы отсюда усыпили нацистских американцев. Добывая урановые руды уже целиком находятся в руках американских монополий.

Тяжела была жизнь трудящихся Конго в прошлом, еще более невыносимой она стала под ноги новых колонизаторов — американцев. Всюду подневольный рабский труд. За 14—16-часовой день нетр получает в 5—10 раз меньше, чем белый рабочий. Рабочие из коренных жителейются в бараках, обнесенных колючей проволокой и охраняемых полицейскими.

В Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы. Так, английский губернатор Танганьики Ли на заседании совета по своему Организации Объединенных Наций отставил необходимость применения телесных наказаний для африканцев, ссылаясь на то, что тюремное заключение не страшит их, поскольку даже в тюрьме они получают лучшее питание, чем на воле.

Правда, колониаторы далеко не всегда бывают так чинно откровенны, как этот губернатор. Гораздо чаще они прикрывают свою преступность в колонии завесой лжи и демагогии. Они любят разлагательствовать о своей якобы цивилизаторской миссии в экономически отсталых странах, о своей помощи им. Вот пример такой «спонсора»: Английское правительство с 1940 по 1949 год, как указывается в отчете английского министерства колоний за 1950 год, расходовало 25,6 миллиона фунтов стерлингов на нужды 47 британских колониальных территорий с 6,8-миллионным населением. В среднем «на экономическое развитие, здравоохранение, образование, социальное обслуживание и благосостояние колониального населения расходовалось в год по 10 пенсов на человека (это равняется стоимости одной-двух пачек сигарет).

Среди арестованных группировок Африки корпораций за 1949 год получила прибыль в 25 миллионов фунтов стерлингов, то есть почти столько же, сколько израсходовало английское правительство на нужды колоний за девять лет.

Баснословные барыши американских и других империалистов — это кровь и пот трудящихся колониальных и зависимых стран. Возьмите Бельгийское Конго — отчужденную колонию, территория которой почти в восемьдесят раз больше территории Бельгии. После второй мировой войны бельгийские колониаторы отсюда усыпили нацистских американцев. Добывая урановые руды уже целиком находятся в руках американских монополий.

Тяжела была жизнь трудящихся Конго в прошлом, еще более невыносимой она стала под ноги новых колонизаторов — американцев. Всюду подневольный рабский труд. За 14—16-часовой день нетр получает в 5—10 раз меньше, чем белый рабочий. Рабочие из коренных жителейются в бараках, обнесенных колючей проволокой и охраняемых полицейскими.

В Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94, в Сирии и Ливане — 75 процентов. Эти цифры свидетельствуют о том, что для широких народных масс в колониальных и зависимых странах закрыты пути даже для получения начального образования. В Нигерии, например, только 7 процентов детей школьного возраста посещают школу, в Малайзии не получают никакого образования 62 процента, а в Бирме — 75 процентов детей.

Невыносимые условия жизни — удел всех порабощенных народов. Об этом широко говорят и сами колониаторы — это метод подавления национальной культуры.

Судане, например, неграми 99,5 процента населения, в Ираке — 95, в Индонезии — 94,